

ЕЛЕНА АНДРИАСЯН

Искры моей памяти в лабиринтах времени

РАССКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Елена Андриасян

**Искры моей памяти
в лабиринтах времени.
Рассказы и воспоминания**

«Издательские решения»

Андриасян Е. Г.

Искры моей памяти в лабиринтах времени. Рассказы
и воспоминания / Е. Г. Андриасян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839054-8

Я — бакинка. Я покинула Родину из-за межнационального конфликта. Все мои воспоминания и рассказы так или иначе рассказывают о моей Родине, и если они хоть на минуту приблизят мир на моей земле, я буду счастлива...

ISBN 978-5-44-839054-8

© Андриасян Е. Г.
© Издательские решения

Содержание

Дорога в вечность	6
История, ставшая легендой	8
Искры памяти в лабиринтах времени	11
Искорка первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Искры моей памяти в лабиринтах времени Рассказы и воспоминания

Елена Генриховна Андриасян

© Елена Генриховна Андриасян, 2017

ISBN 978-5-4483-9054-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорога в вечность

Я больна – более 20 лет я страдаю от странной болезни. Правда, я улыбаюсь и сержусь, смеюсь и плачу, работаю и отдыхаю, получаю помощь и помогаю сама... Я дружу, ссорюсь, люблю, мечтаю... Словом, я живу – и одновременно умираю от болезни, имя которой – НОСТАЛЬГИЯ. Эта болезнь глубоко внутри, она затаилась, она почти не проявляется – и лишь иногда она дает знать о себе – когда я смотрю фотографии и видеоролики, читаю письма друзей или общаюсь с ними по скайпу. Мой диагноз – я бакиннка, 20 с лишним лет назад насильно покинувшая Родину... Но именно благодаря этому вынужденному переезду (как ни странно это звучит) у меня есть настоящие друзья – когда-то они спасли мне жизнь, сегодня мы по-прежнему обсуждаем свои радости, свои проблемы, поддерживаем друг друга... И я льщу себя надеждой, что я для них – такой же друг, какими они всегда были и есть для меня.

А мой Баку – моя Родина – он в моем сердце. Короли, президенты, правительства сменяют друг друга, Родина остается с нами всегда...

Я люблю его улицы – вымощены ли они современной плиткой или камнями тысячелетней давности. Я люблю его дома – современные высотки, старинные уютные домики, дома, построенные на стыке 19 – 20 веков, где у входа выложена мозаика с датой постройки... Я люблю его сады и парки, дающие прохладу даже в самую сильную жару... Я помню уютные чайханы, где в самое жаркое время дня сидели старики, попивая чай из фигурных стаканчиков – армуды...

Я люблю и помню старый дом моей подруги – во дворе рос чинар, посаженный еще ее прадедом, – и сколько тайн сохранил этот чинар, скольким шуткам улыбнулся в свою густую листву, сколько сплетен выслушал... А старый дядя Ибрагим – «Би-би-си» этого двора – мир праху его – мы здоровались с ним первым, еще только подходя к дому...

А эклеры одной из моих тетушек – достаточно было с утра выпить чаю с двумя эклерчиками – и можно было не есть весь день, чтобы не утратить воспоминание об их вкусе и аромате...

А другая тетушка по пятницам пекла торты и пирожные – чтобы в субботу гости смели их буквально за час...

Я помню ласковый плеск волн Каспия, набегающих на теплый песок пляжей Апшерона, вкус рыбы, запеченной прямо в горячем песке... И до сих пор чувствую брызги огромных волн, оседающие на моем лице, пока я стою рядом с капитаном на мостике водолазного катера... В моих ушах – крик чайки, пикирующей за рыбой, – я поворачиваю голову, чтобы увидеть эту птицу, а вижу огромного каспийского тюленя, невозмутимо дрейфующего в двух метрах от меня... И спасатели с пляжей – они дежурили вместе с огромными собаками – водолазами, готовые в любой момент кинуться спасти тонущего беднягу...

А моя школа, построенная на месте храма Александра Невского, взорванного в 1938 году – в годы Отечественной войны в ее здании был госпиталь... Сколько событий, сколько радостей и горестей связано с этим зданием, в окна которого тихо постукивают ветви деревьев и льется солнечный свет...

И Университет... и группа 013 мех. – мата – мы всегда помогали друг другу.... Нет, мы, конечно, спорили, ссорились, но... в трудное время мы объединялись, помогая любому, оказавшемуся в тяжелой ситуации, а ссоры – ссоры забывались...

На одной из первомайских демонстраций нашего декана спросили, где его студенты. Он ответил, не задумываясь:

«Вон „пльвет“ куст сирени – это группа 013, остальные рядом».

Одна из девушек всегда приносила для нас ветки сирени с куста, росшего в ее саду, – мы шли все вместе – а издалека казалось, что это «шагает» куст сирени...

А наш декан – он помнил всех своих студентов в лицо и по именам – и это повергало в шок всех, кто сталкивался с ним впервые...

А наша Торговая улица – наш бакинский «Бродвей», где можно было встретить на прогулке почти всех знакомых за один вечер. Говорят, когда пронесся (к счастью, ложный) слух о смерти Юлия Гусмана, он просто прогулялся по Торговой – и слух был тут же опровергнут...

А персидская сирень, цветущая на Приморском бульваре, и фаэтоны, на которых можно было прокатиться по городу... Моя соседка в день своей свадьбы ехала в загс на фаэтоне, запряженном белыми лошадьми...

Со старых фотографий нам улыбаются те, кто жил в городе давным – давно: прадеды – кузнец, нефтяник, врач – офицер русской армии, прабабушки – выпускницы Смольного института, бабушки, хранящие личный автограф Есенина, учившие детей в школе, репрессированные в 30 – ые годы XX века деды, все те, кто в Отечественную Войну защищал страну от нацизма, наши отцы, дежурившие на крышах, чтобы сбрасывать зажигательные снаряды, а после Победы строившие красивые здания, разводившие сады, добывавшие нефть...

Странно – собиралась рассказывать о городе, а говорю о людях... Может быть, потому, что люди, жившие когда-то в этом городе, живущие сейчас – это его душа?! Ведь без души нет города, нет жизни...

Мы можем говорить о своем городе бесконечно – и все равно нам не рассказать о нем всего...

«Ностальгия – это просто болезнь, от которой излечения нет», – написала моя подруга. Что ж, значит, моя болезнь неизлечима...

...Моя память с тобой, Баку. Легкого тебе пути – в Вечность!

История, ставшая легендой

– С днем рождения, ласточка моя!..

По щеке ласково скользнул... то ли солнечный зайчик, то ли поцелуй – еле заметный, как и все, что делала бабушка Мария (как звали ее соседи и друзья), или бабуля Фиалочка (так я переводила ее имя на русский). Я открыла глаза, потянулась... Господи, мне уже 17... и сегодня вечером выпускной бал в школе. Платье уже готово – обманчиво простого покроя платье из серебристого атласа с глубоким вырезом – первое «взрослое» платье, сшитое специально к этому дню.

– Бабуля, а где же... – я не успела договорить. Вошел отец и, улыбаясь, положил на стол два футляра.

– Открой.

Я почему-то медлила. Просто волновалась. В этих футлярах должны были лежать мои первые драгоценности, которые обещали мне мои родители и бабушка, те самые, сделанные еще моим прадедом и передававшиеся в нашей семье младшей дочери... Я была единственной дочерью. Младшему брату было всего полгода.

– Ну что же ты, дочик? Открывай!

Чуть дрожащими пальцами я открыла сначала один футляр, затем второй... Сказочной красоты колье и браслет мерцали на черном бархате.

– Спасибо, отец, бабуля!

– Спасибо твоему прадеду, – грустно улыбнулась бабушка. А отец очень внимательно посмотрел на меня и добавил:

– Ты помнишь, что должна будешь передать эти украшения своей дочери и рассказать историю твоего прадеда Саака?!

История моего прадеда... История, ставшая легендой, – так думала я, надевая колье и браслет, чтобы закончить свой туалет, сесть в машину и отправиться на выпускной бал...

...1918 год. Мой прадед Саак с женой и детьми уже несколько лет жил в небольшой деревне Минкенд в Азербайджане. Что именно заставило их переехать туда из села Уз, что в Сисианском районе Армении, я не знаю. Старший из сыновей Саака остался в родной деревне, тем не менее регулярно навещал родителей. В последние месяцы он настаивал на возвращении семьи в Армению – на границе было очень беспокойно. Но Саак отказывался переезжать – в селе его любили и уважали. Еще бы! Мастер на все руки, умевший ковать оружие и делать драгоценности, прекрасный строитель, построивший мельницу для сельчан, никогда не требовавший денег за свой труд, никогда не отказывавший людям в помощи.

– Зачем мне переезжать, сынок? Все будет хорошо, вот увидишь.

Его жене Марангюль оставалось лишь отводить глаза и слегка пожимать плечами в ответ на укоризненные взгляды старших сыновей: – Мол, отец так решил, что же я могу поделать!

Но мальчики хорошо знали – если наступит решительный момент, именно мать, красавица с отважным сердцем и твердым характером, возьмет «правление» в свои руки. Саак, прекрасный мастер и любимец односельчан, иногда терялся в сложных ситуациях.

Во время одного из таких споров дверь неожиданно распахнулась. В дом вошли два нукера и без лишних слов увели Саака с собой. Обрато он вернулся очень поздно. Молча прошел к столу, сел и обхватил голову руками.

– Саак, что случилось? – затянувшееся молчание нарушил сосед, зашедший еще днем по делу, да так и оставшийся ждать Саака. Мой прадед поднял голову:

– У Султан – бека я был, чтоб ему покоя не видать ни на том, ни на этом свете!

– Что ему надо? Выселить вас хочет, наверно...

- Да нет! Требуется, чтобы я оружие для его нукеров сделал!
- Оружие? Опять беспорядки? Когда же покой на этой земле наступит?! А что же ты, сосед?
- А что я? Оружие против моих братьев повернут, как же я могу согласиться! Так и сказал псу этому!
- И он оставил тебя живым!
- Оставил... И уговаривал, и грозил... Я не согласился.
- А потом?
- А что потом? Дал неделю на раздумье, пригрозил, что детей перережут, а Марангюль в гарем свой возьмет, если не дам согласия работать на него.
- Убьют детей! Жену отберут! – сосед потерял дар речи. Марангюль промолчала, лишь молнии сверкнули в ее глазах.
- Бежать вам надо, бежать немедленно!
- Султан – бек нукеров своих поставил на тропинках и дорогах в деревню, куда я с семьей побегу!
- Сосед промолчал, не найдя слов для ответа. Посидел еще немного и, так ничего и не придумав, вышел. А через час в дом Саака пришли все взрослые мужчины села.
- Саак, мы не дадим нукерам Султан – бека добраться до твоих детей и жены. Мы будем защищать вас.
- Прежде чем оглушенный этими словами Саак раскрыл рот, прозвучал еще один голос:
- Какой толк в вашей смерти?
- Это был старейшина села Сафарали-баба. Люди молча смотрели на него. Наконец кто-то нарушил молчание.
- А что же нам теперь делать? Что мы еще можем?
- Увести их надо отсюда.
- И Сафарали-баба начал распоряжаться. А Марангюль молча укладывала вещи – самые необходимые.
- Побег должен был состояться через три ночи. Было новолуние. По вечерам на землю спускался густой туман. Этим и решили воспользоваться беглецы. В деревне не было постоянного пастуха. Каждый сам выгонял свою скотину на пастбище, а вечером загонял обратно. При встрече с нукерами можно было сказать, что люди ищут заблудившуюся скотину.
- Накануне побега Салех, сын Сафарали-баба, и его друзья предупредили жителей по обе стороны границы о том, что необходимо помочь людям. В ночь побега не было сделано ни одного выстрела. По узким тропинкам сельчане вывели Саака, Марангюль и их детей (самую младшую, мою бабушку, которой было 2 года, Саак посадил в свою котомку), довели до границы с Арменией и переправили к друзьям...
- Узнав об исчезновении Саака с семьей, Султан – бек расвирипел. По его приказу Сафарали-баба выпороли шомполами, а Салеха арестовали и повезли в Шушинскую крепость – в тюрьму. Когда известие об этом дошло до Саака, то его старший сын с друзьями кинулся вдогонку – Салеха им удалось освободить по дороге в Шушу.
- ...Шли годы. Саак умер вскоре после побега. Просто во время застолья встал, произнес тост, выпил вина... и умер с улыбкой на губах... Дети выросли, у них появились свои дети...
- ...1941 год. Азербайджан, город Шеки (по-старому Нуха). Мой дед с семьей был переведен туда на работу. Вскоре после приезда в город дед, вернувшись с работы, сказал бабушке, что секретарем райкома работает ...Салех, сын Сафарали-баба.
- А адрес? Адрес взял?!
- Ой, подожди... – листок с адресом дед потерял. Хорошо, хоть название улицы вспомнил.

Бабушка, взяв свою дочь Лауру (той было всего несколько месяцев) на руки, отправилась на названную улицу, решив узнать о Салехе у соседей. Было жарко, Лаура расплакалась, и бабушка подошла к первому встречному старику с длинной бородой.

– Отец, можно попросить воды для малышки?

– Можно, дочка... – старик дал воды, а когда бабушка напоила дочку, ласково спросил:

– Ищешь кого, дочь моя?

– Ищу, отец. Семью Сафарали-баба ищу.

Старик внимательно взгляделся в лицо женщины, стоящей перед ним, и неожиданно спросил слегка дрогнувшим голосом:

– Скажи, дочь моя, твоего отца звали... Саак?

Бабушка молча кивнула.

– Девочка моя, Сафарали-баба – это я.

Очень многое рассказали они друг другу в тот день. А через месяц, находясь при смерти, Сафарали-баба сказал, что в ночь перед побегом они с Сааком стали побратимами. Салех и бабушка, а потом и их дети продолжили традицию побратимства. Именно Ибрагим-даи, сын Салеха, побратим моего отца, будучи отличным хирургом, спас жизнь отцу моей подруги, прооперировав его вовремя. Именно Ибрагим – даи вывез нашу семью из Баку осенью 1989 года...

...Я смотрю на фотографию, сделанную очень давно – на выпускном балу. С нее улыбаются юные красивые лица детей – взрослых детей, не подозревающих, что ждет их впереди. Смотрю на себя – ту, 17-летнюю девочку, надевшую в тот день колье и браслет, сделанные Сааком, верившую, что передаст их когда-нибудь своей дочери...

...Дочери у меня нет. Драгоценности сгинули в огне междоусобной войны. Друзей раскидала жизнь. Что осталось? Остались улыбки друзей. Остались сами друзья, спустя много лет снова протягивающие мне руки... Осталось то, что светит ярче блеска любых драгоценностей – остались любовь и память...

Искры памяти в лабиринтах времени

Все совпадения случайны.

Искорка первая

...Ликса бежала к реке. По каменистой тропинке, полого спускавшейся к воде, бежать было легко, но девушка устала, задыхалась, и все равно боялась присесть и перевести дух, когда цель – река – была так близка. Стража жреца ее племени неумолимо преследовала ее уже второй день. Жрец отдал приказ схватить ее, как только обнаружился ее побег. Ликса считалась самой красивой девушкой в племени, и ее должны были принести в жертву духу дождя. Но ей было всего 15 лет, она так хотела жить, родить детей сыну вождя племени... Карн и помог ей бежать, напоив охрану, но жрец послал свою личную стражу за ней, велел привести ее живой. И вождь, и его сын Карн ничего не могли сделать – власть жреца во всех вопросах, касавшихся поклонения духам, была неоспоримой. Жертвы духам были обязательны всегда, а в это лето, когда стояла жара, и за последние недели не пролилось ни капли дождя, жрец считал, что умиловить духа дождя совершенно необходимо. Правда, в племени почти никогда не приносили в жертву людей, обходились бараном или козлом. Последний раз человека в жертву принесли много лун тому назад, после сильного камнепада в горах. И теперь люди шептались о том, что жрец просто хотел забрать Ликсу в свою пещеру. Не сумев преодолеть ее сопротивление, он воспользовался случаем и решил принести ее в жертву. Но Ликса сбежала. Она бежала уже второй день, присаживаясь ненадолго за большими камнями и подальше от зарослей и деревьев, за которыми могли притаиться воины. Ела только ягоды, пила росу с больших листьев. Ей надо было как можно быстрее добежать до реки и переплыть ее – за рекой кончалась земля ее племени, за рекой жили другие люди, ими правил старший брат Карна, ненавидевший жреца ее племени за жестокость и жажду власти.

И вот наконец река, песок под ногами. Ликса остановилась, тяжело дыша, и стала прислушиваться. Но пока слышала только плеск воды, пение птиц, легкий шелест листвы на деревьях. Дыхание постепенно успокоилось. Девушка задумалась – может, отдохнуть, прилечь на теплом песке, прежде чем входить в воду... Река была не очень широкой, а плавать в племени умели все с детства, кроме жреца и его стражников. Для них, по законам их рода, плавать в воде было недопустимо. Ликса уже присела, но тут до нее донеслись крики, она увидела первого воина, победно размахивавшего копьем, – ее заметили. И, не раздумывая больше ни секунды, она бросилась в воду. Воины, к тому времени выбежавшие на берег, в ярости потрясали своими копьями, но преследовать ее уже не решались – нарушить закон племени они не могли, а убить Ликсу было нельзя – приказ жреца оспорить невозможно. Конечно, Ликса все равно должна была умереть, но умереть с соблюдением всех традиций и ритуалов жертвоприношения, иначе дух не принял бы жертвы... Стражники замерли в нерешительности и невольной злобе, глядя, как Ликса тем временем выбирается на другой берег, и тут на землю упали первые капли дождя... В пылу преследования воины не заметили внезапно сгустившихся туч. Еще несколько минут – и хлынул долгожданный ливень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.